

тельныхъ мѣрахъ; но онѣ болѣе необходимы у насъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Главнѣйшая задача новаго кодекса будетъ состоять именно въ регулированіи этихъ жизненныхъ народныхъ отношеній и интересовъ, остававшихся до сихъ поръ безъ надлежащей законной защиты.

Гражданское законодательство не можетъ находиться въ разладѣ съ господствующими въ народѣ идеями о правѣ; оно должно воспринять въ себя общія начала обычнаго права, выработанныя и проверенныя жизнью, — подобно тому какъ при составленіи Наполеонова кодекса во Франціи главнымъ матеріаломъ служили сборники обычнаго права, дѣйствовавшіе въ различныхъ областяхъ страны. Нужно кореннымъ образомъ измѣнить отношеніе закона къ народу, — чтобы крестьянство не имѣло повода говорить, что „гдѣ законъ, тамъ и обида“. Въмѣсто сухого отвлеченнаго формализма, нужно отвести широкое мѣсто такимъ эластичнымъ принципамъ, какъ правило „грѣхъ пополамъ“. При толкованіи и исполненіи договоровъ должны быть допущены отказы и споры на основаніи чрезмѣрной невыгодности сдѣлки для одной изъ сторонъ; при этомъ необходимо придать законное значеніе вліянію крайней нужды, недобросовѣстному пользованію незнаеміемъ законовъ со стороны крестьянъ и изъ временными затруднительными обстоятельствами. Такого взгляда придерживаются теперь нѣкоторые западно-европейскія законодательства, облагающія даже уголовными карами несправедливыя сдѣлки, въ которыхъ нѣтъ элементовъ обмана; напримѣръ, по закону о ростовничествѣ, принятому австрійскимъ парламентомъ, „кто оказываетъ другому кредитъ на условіяхъ разорительныхъ для кредитующаго и на которыя послѣдній согласился только вслѣдствіе подавляющей нужды, либо по неопытности или непониманію, — тотъ совершаетъ проступокъ, наказуемый арестомъ при тюрьмѣ срокомъ до шести мѣсяцевъ или денежнымъ штрафомъ до тысячи гульденовъ“. Даже люди, привыкшіе смотрѣть на экономическую жизнь исключительно сквозь призму промышленнаго оборота, не затрудняются нарушать принципъ невмѣшательства во имя элементарной справедливости. Преувеличенныя заботы о прочности договоровъ не мѣшаютъ уже заботамъ о прочности положенія человѣческихъ существъ, заключающихъ договоры. Наше обычное право отличается именно этимъ стремленіемъ проникать въ закулисную область житейскихъ мотивовъ и вліяній, выразившихся въ данной формѣ, — тогда какъ законный судъ успокоивается на этой формѣ, неумолимо примѣняя ея словесный смыслъ и „не уважая никакихъ побочныхъ обстоятельствъ“. Чтобы отыскать въ законахъ слѣды народныхъ понятій о правѣ, пришлось бы обратиться далеко назадъ, въ эпоху Псковской